

Советская Кухня  
29. XII. 59.

ЗАМЕТКИ  
ДРАМАТУРГА

# УТВЕРЖДАТЬ НОВОЕ

**ВРЕМЯ** настоятельно требует от нас, деятелей литературы и искусства, по-хозяйски разобраться в том, что происходит в драматургии и театре. Скажем прямо, мало, крайне мало у нас пьес, в которых были бы запечатлены прекрасные образы героев-современников, подлинных борцов за победу коммунизма в нашей стране. Наша драматургия все еще сильно отстает от стремительного бега времени. Мы явно не в полную меру своих сил решаем одну из важнейших задач, стоящих перед советским искусством, — создание сильных и ярких характеров положительных героев, способных стать примером для подражания.

Понятие социалистического реализма объединяет самые различные творческие индивидуальности, стоящие на единых партийных позициях, творящих наше общее дело на главном направлении литературного движения. Они утверждают в своих произведениях новое в нашей действительности, стремятся запечатлеть красоту жизни, величие трудового подвига простого советского человека.

Однако существует еще в драматургии и мелкотемье. На сценических подмостках обильно представлены пьесы драмодельческие, написанные вне времени и пространства, пьесы, лишенные дыхания нашего времени, в которых вместо показа жизни в движении и развитии мы видим статичность, вместо полнокровных образов наших современников, хозяев жизни, творцов — схематические построения.

Вот пример. Открывается занавес — и на сцене появляется бледная тень «человека». Жизнь у него сложилась неудачно. Прожил сорок лет и ничего не достиг (почему ничего не достиг, это известно одному лишь автору). Личной жизни у него нет. И весь он какой-то лишний. Смотришь на эту тень и думаешь: откуда она? Из глубины каких веков? А афиша пытается меня убедить, что это и есть мой современник.

В другом театре мы видим обычный и довольно примелькавшийся треугольник. Два друга и одна жена. Двое любят одну. Причем один из них — законный муж. Друг мужа видит в образе жены товарища свой идеал. Кто победит — вот вопрос. Смотришь на этот поединок, слушаешь речи влюбленных и диву даешься: неужели эти герои и есть мои современники — творцы новой истории?

Пытаешься понять строй мыслей и чувств этих героев, угадать, чем они отличаются от людей не только 20—30-х годов, но и прошлого века, но, увы... Куда зовут эти люди нашего зрителя? А главное, во имя чего написаны эти пьесы, во имя чего театры их ставят?

О чем все это говорит? О том, что многие драматурги все еще остаются на обочине нашего поступательного литературного движения, продолжают стоять в стороне от важнейших тем нашей современности.

И это, как мне кажется, не случайно. Среди некоторой части литераторов бытует мнение, что никакого главного направления в драматургии не существует и не может существовать, что театру нужны пьесы занимательные, с неожиданными драматическими поворотами. А какие проблемы в пьесах ставятся, какие идеи они несут, какие люди воссозданы — не так уж важно.

Думается, что такая точка зрения не только ошибочна, но и в корне неверна.

Мы не можем, да и не пытаемся отрицать роль сюжета в художественном произведении, сбрасывать со счета такие понятия, как занимательность, интрига, действительность. Но все это только компоненты главного. А главное — это связь наших произведений с реальной жизнью, их пафос, их общее идейно-художественное звучание.

Как бы ни пытались нас убедить, что «Пять вечеров», «Рассказ одной девушки» или «Взломщики тишины» — это новое слово в драматургии, мы все же предпочтение отдаем таким произведениям, как «Битва в пути», «Дали неоглядные», «В добрый час!», «Человек в отставке», «Стряпуха», «Тревожная ночь», «Персональное дело», «Иркутская история», «Начало жизни», «Два цвета», «Братья Ершовы».

Именно в них мы видим живое отражение нашего времени, именно в этих произведениях бьется горячее сердце нашего современника, они утверждают новую мораль, нового человека. В этих произведениях мы находим живой отклик на обращение Н. С. Хрущева, высказанное на III съезде советских писателей: «Отражайте в своих произведениях великие дела, которые совершает народ, простые люди».

Нам нужны яркие, крупные пьесы, которые отражают сущность социально-исторического процесса, такие, которые показывают волю миллионов к труду и борьбе, которые силой своих художественных образов воздействуют на умы и сердца советских людей, которые повествуют о новом в нашей жизни и утверждают его.

Вопрос о главном направлении — это вопрос о путях дальнейшего развития отечественной драматургии, а значит, и нашего родного театра. И независимо от того, желают того некоторые товарищи или нет, оно существует и будет существовать, ибо отказ от главного направления не только противоре-

чит духу советской литературы, но и означал бы на практике сдачу ее идейных позиций.

Кстати, некоторые литераторы считают, что на современном этапе нашего общественного развития об идейности литературы или искусства говорить уже не надо, что рассуждать следует лишь по поводу мастерства и художественности...

Можем ли мы принять эту точку зрения? Ответ один: нет и притом решительно нет!

Да, мы стали идейно выше! Да, наши художники слова действительно сегодня стали идейно более зрелыми. И, с другой стороны, многим из нас действительно недостает мастерства. Все это верно.

Но ведь идейность и художественность — понятия, отнюдь не исключающие одно другое. Отвернув идейности от понятия «художественность» на практике означал бы, что мы немедленно скатились бы в болото чистого искусства, искусства для искусства. Став на точку зрения «критической» идейности, наша литература тут же перестала бы служить общепролетарскому делу, делу строительства нового общества, великому делу Коммунистической партии.

В прошлом, как известно, тоже под флагом борьбы за мастерство и художественность довольно активно выступали идеологи буржуазной эстетики, им тоже не нравились такие понятия, как **идейность, направление**. Мы знаем из истории и те бои, которые пришлось вести представителям революционно-демократической эстетики — Белинскому, Добролюбову, Чернышевскому. Да и нашей марксистско-ленинской эстетике пришлось немало выдержать боев за понятие гармонического сочетания идейности и художественности.

Так стоит ли повторять прошлые ошибки и заблуждения? Думаю, что нет, не стоит! Никому никогда не удастся сбить наших литераторов с правильных идейных позиций, увести, оторвать литературу от участия в коммунистическом строительстве. Борьба за идейность и партийность советского искусства сегодня, как и вчера, является делом чести всех работников литературного фронта, всех деятелей советской культуры.

Говоря о современном, мы почему-то боимся выделить из понятия современника понятие **нового человека**. А между тем во все времена были люди, которые шли во главе своих современников, то есть новые люди — люди завтрашнего дня, носители лучших черт характера, передовых идеалов своего века.

В нашей жизни тоже имеются новые люди, в которых мы видим воплощение лучших черт характера современников. С них мы берем пример. Их участие в коммунистическом строительстве — для всех нас образец беззаветного служения Родине.

Кто эти люди? Это руководитель бригады коммунистического труда нефтяник Геннадий Соколов. Это Тамара Бирюкова, возглавляющая бригаду коммунистического труда завода железобетонных конструкций. Это Герой Социалистического Труда строитель молодого города нефтяников Саттаров. Это тысячи, тысячи других. В труде, как в бою, они добывают счастье Родины.

Не замечать этих людей — значит, заслонять от самих себя солнце нашей жизни, значит, быть слепыми. А это несвойственно советскому писателю!

Я был бы неправ, глубоко неправ, если бы стал утверждать, что мои собратья по перу не видят героев, замечательных современников. Был бы также неправ, если бы утверждал, что у писателей-драматургов ослаб интерес к современникам.

В последнее время мне пришлось прочесть несколько пьес о бригадах коммунистического труда. Из 70 пьес, присланных в комиссию по драматургии СП РСФСР, все 70 пьес посвящены нашей современности.

Но чем же тогда объяснить, что у нас в драматических произведениях редко появляются полнокровные положительные образы?

Тут, как мне кажется, две причины. Некоторые драматурги, работая над образом современника, берут в основу наблюдения из записных книжек 30-х годов. Нет

слов, пренебрегать записными книжками прошлых лет не следует, но ограничиться давними наблюдениями мы тоже не имеем права.

Вторая причина сложнее.

Совсем недавно я прочитал пьесу о людях одной бригады коммунистического труда. В пьесе есть внешние приметы наших дней. В пьесе упоминаются и спутники, и атомный ледокол, и совнархозы, и многое другое. Однако современника я не почувствовал.

Просчет драматурга в том, что он, решая большую и важную тему, схватил только то, что лежит на поверхности жизни, в том, что он не заглянул в душевный мир изображаемых людей.

Может быть, нет никаких отличий между членами бригад коммунистического труда и людьми, работающими в обычных коллективах? Нет, они, бесспорно, есть, они кроются в образе мыслей и чувств, в духовном и моральном облике людей, в их отношении к общественным нормам и законам.

Драматург — это разведчик человеческой души. Эту разведку надо вести особенно тщательно, когда он берется за создание образа положительного героя наших дней.

Драматург В. Розов в свое время написал хорошую пьесу «В добрый час!» — о выборе молодым человеком места в жизни. Пьеса получила признание у зрителя. Но вот прошло некоторое время, и на эту же тему появилось довольно много новых пьес. Приходишь в театр и видишь что-то знакомое. Люди говорят то же-то же, как герои Розова, и о том же спорят, и даже в той же тональности.

Многие пьесы, написанные вслед за Розовым, как известно, не выдержали проверки временем. Почему? А потому, что в пьесах Виктора Розова мы видим его отношение к людям, его гнев. Розов неравнодушен к изображаемому явлению. Мы видим горячее сердце Розова. У «последователей» же писателя мы встречались, как правило, с созерцательным отношением к жизни, и к изображаемому герою.

В литературе нельзя идти проторенной дорогой. Какая бы ни была хорошая копия, она не может стать рядом с подлинником. Уж так закон творчества.

Но главная причина состоит в том, что многие литераторы все еще плохо связаны с жизнью. Нет слов, такая тема, как, например, выбор молодым человеком места в жизни, — важная. Но где же пьесы, в которых показывалась бы молодежь, уже выбравшая место в жизни?

Именно отрывом от жизни можно объяснить и чрезмерное увлечение семейно-бытовой проблематикой. В пьесах на эту тему чаще всего встречаются и сюжетные заимствования, и даже сходная трактовка отдельных образов. Общая беда многих пьес о любви, браке и семье в том, что слишком узок духовный мир героев, в том, что люди часто изображаются в отрыве от общественной среды.

Стремление следовать чужой, проторенной дорожкой нередко толкает даже способных литераторов на дурное сочинительство.

Этим летом в Иванове я познакомился с пьесой «Эликсир жизни». Автор ее работает в заводской многоэтажке, живет, что называется, в гуще народной жизни, среди подлинных героев, а пьесу он написал о том, как некий литератор Бородавкин, автор научно-фантастических произведений, приехал в колхоз отдохнуть, но, столкнувшись с жизнью, стал писать книгу о колхозе. Пьеса не получилась. Молодого драматурга подвело желание следовать готовым образцам. Его подвело и то, что он пренебрег героями, которые живут рядом с ним.

Какой же вывод напрашивается? А вывод один. Пришел в литературу — дерзай, вгрызайся в жизнь. Как бы ни было трудно, но проникай в души рядом стоящих, рядом живущих, ибо жизнь и только жизнь может нам дать и новых героев, и новые темы, и новые сюжеты. Жизнь и только жизнь может наполнить наши произведения свежими соками, вывести нас на широкую дорогу литературного творчества.

И. КУПРИАНОВ.